

Оглоблин Петр Николаевич

Опубликовано 23 июля 2006 года

11552 0

Фронтальные будни

Я до армии морзянку знал, - хотел скорее на фронт попасть. После окончания курсов попал в 5-й батальон связи 2-го аркорпуса прорыва РГК. Корпус занимал позиции в Калининской области, и всю зиму 42-43 годов там провели. То вперед, то назад.

На фронте был начальником радиостанции малой мощности. Связь называли «нервом армии». Нашей задачей было поддерживать связь с другими радиостанциями, с аэростатами-корректировщиками огня, с танкистами. Во время обороны соблюдалось радиомолчание, а в наступлении начиналась жаркая работа.

Был случай: танковая рота свои координаты не указала, и по ней наша же артиллерия ударила. Приехал командир танковой роты - разбираться. Понял, что сами виноваты. Говорит: у меня танки ИС, броня такая, что снарядов не боится. Они только почиркали, и всё. Я, говорит, фауст-патронов боюсь...

Еще такой эпизод помню. После артподготовки первыми шли штрафбаты, и только за ними - пехота. Однажды видим - бежит с поля боя штрафник. Поднял руку - она в крови. А сам радуется, кричит: «Видите, я кровью вину искупил!».

В 1944 г. эшелонам нас перебросили в Волковыск. Начали наступление в августе, перешли границу с Восточной Пруссией. И тут немец нас остановил. С октября стояли в обороне, уже на территории Пруссии.

Новый год встретили вдвоем с напарником. Дело так было - построили блиндаж, и командир нам сказал: езжайте обживать, скоро наступать будем. Ну, встречаем, с кашей, - больше ничего не было. И вдруг - грохот, выстрелы. Смотрим: бьют со

всех сторон в небо, и только трассирующими, цветными, да ещё ракеты осветительные - фейерверк!

13 января - артподготовка, мы двинулись в наступление. Взяли города Гумбинен, Прейсиш-Эйлау.

Наша часть штурмовала Кёнигсберг с юга. Штурм продолжался три дня, а немцы говорили что город и за три месяца не взять. Вошли, начались уличные бои.

Город стоит на реке Прегель, посреди реки - древний королевский замок, цитадель. Немец бил и бил оттуда по наступающим войскам. Всё вокруг горит, помню, пилотку натянешь на уши, - и бежишь сквозь огонь...

Капитуляция

После Кёнигсберга нам дали немного отдохнуть и направили в порт Пиллау.

Город стоит на берегу залива, на выходе - песчаная коса Фрише-Нерунг. Тянется от самого Данцига: три километра в ширину, 90 - в длину, поросла сосной и орешником. Там группировка немцев находилась - остаток группы «Земланд». Мы наводили понтонный мост, - немцы обстреливали с косы. Тогда наши артиллерия и авиация так ударили, что весь лес «сбрили».

На этой косе вся наша 10-я дивизия оказалась, - медленно продвигались в сторону Данцига. Коса заминирована, под песком мин не видно, - очень много наших погибло. Всё же продвинулись мы до выхода с косы, остановились. Три дня стоим - тишина. Ну, уже начало мая, все чувствуют, войне конец. Я на дежурстве был на радиостанции. Скучно, хочется и музыку послушать... Вдруг слышу - немецкая речь. Я одно слово сразу уловил - «капитулирен». Я позвал переводчика, он послушал-послушал, сказал: «Капитуляция!» - и убежал, эту новость сообщить.

Тишина, никто к нам не едет. Мы селёдку на берегу собираем, - всплыла после бомбёжки. А потом вдруг немцы стали приходить. Идут с фляжками шнапса. Кричат: «Гут! Гитлер капут!». Наши командиры их гонят, - никакого братания! И правильно: они напоследок еще повоевать хотели. Сидим мы в их блиндаже, а они просочились слева и справа. Командир бригады: «В ружье! Вызвать огонь на себя!». Рядом минометчики стояли, сориентировались, стали бить заградительным огнем, - отогнали немцев.

7 или 8 мая нам объявили: с 23.00 огонь прекращается. Ну, солдаты рады. Тепло, расположились на лужайке, ждут, когда «23.00» наступят. И вдруг немцы такой огонь открыли! Мы в рыбацком домике сидели, трое выскочили на крыльцо, - и тут же полегли.

Потом наши послали к немцам парламентаров. Они их расстреляли. Получаем новую команду: зарядить орудия и миномёты и о готовности доложить. Наконец, немцы начали сдаваться. Выходят с оружием, бросают в кучу, - целые горы набросали.

Помню такой случай. Поехали мы, человек 8, на «студике» («студебеккере») в польский порт Гданьск. Едем - навстречу женщина выбегает и кричит что-то. Наш переводчик говорит: «Там старик кого-то топит...». Мы повернули, подъезжаем. Точно - топит! Оказывается, старик-немец свою семью утопить собрался. Говорит: русские идут, все с рогами! Старуху к себе привязал, повел топиться. А дочь привязать не смог, она вывернулась, сбежала...

После Победы

Дивизию назад, в Кёнигсберг отправили. Там месяца полтора мы жили в здании немецкой спортивной школы. А в июле нашу бригаду отправили в Белоруссию, в город Старые Дороги. Нашу дивизию расформировали. Всё оружие сдали, знамёна. Постепенно всех по домам отправили, а нас, сибиряков, человек 300, почему-то держат! И вдруг нас на лесозаготовки отправляют. Вот для чего держали... Полтора месяца лес валили.

Много ещё можно рассказывать, да всего не перескажешь. Был контужен, осколком спину зацепило. Иной раз, кажется, только чудо спасало...

Военные специальности мне после войны пригодились. Связь - нерв всей нашей жизни, а не только армии.

Источник:

Материалы из книги "Мудрость Победы", готовящейся к изданию АМК

"Сибирский проект" (г. Томск)

